

«ВЕРШИТЕЛИ СУДЬБЫ ЕВРОПЫ»

АЛЕКСАНДР I И НАПОЛЕОН I В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ РОССИИ

Любовь Мельникова

Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813–1814 годов были не только военно-политической борьбой государств, столкновением разных цивилизаций и мировоззрений, но и непримиримой схваткой двух императоров – Александра I и Наполеона I. В начале XIX века оба они вершили судьбы Европы и имели колоссальное влияние на умы современников. И тот и другой заняли важное место в культурной памяти России и Западной Европы. По разным причинам отношение к правителям с течением времени менялось, и их образы претерпели определенную трансформацию. Попробуем насколько позволяет формат статьи проследить этот процесс.

В. Денон. Фигура Наполеона на вершине Вандомской колонны в Париже (воссоздана в 1873 году)

В конце XVIII – начале XIX века в России, так же, как и в Европе, был чрезвычайно велик интерес к фигуре Наполеона Бонапарта – человека, менее чем за десять лет проделавшего путь от неизвестного армейского поручика до полководца с мировым именем и неограниченного правителя Франции. Русская цензура часто пропускала в печать откровенные панегирики Наполеону, представлявшие собой переводы или переложения сочинений, распространявшихся бонапартистской пропагандой¹.

Расстрел по приказу Наполеона герцога Энгийенского 21 марта 1804 года привел к разрыву дипломатических отношений с Францией и вступлению России в Третью антифранцузскую коалицию, что, в свою очередь, на долгое время исключило «положительный образ» Бонапарта из официальных русских изданий. Книги о нем, вышедшие ранее, запретили. Разгром союзных войск под Аустерлицем 20 ноября 1805 года, последовавший за ним развал коалиции и боязнь переноса воен-

На с. 55: Б.И. Орловский. Фигура ангела на вершине Александровской колонны в Санкт-Петербурге. 1834

ных действий на территорию России еще более обострили ситуацию и заставили российское правительство начать первую антинаполеоновскую пропагандистскую кампанию с целью разрушить героический образ Наполеона и обосновать необходимость коалиционных войн.

В 1806–1807 годах в России вышли многочисленные антинаполеоновские памфлеты и брошюры, содержавшие резкую критику внешней и внутренней политики Наполеона, а также нападки на его личность².

Значительную роль в формировании «образа врага» играла Русская православная церковь. В специальном объявлении Святейшего Синода от 15 декабря 1806 года, читавшемся во всех храмах России, Наполеон представлялся не только как узурпатор, поработитель человечества, «неистовый враг мира и благословенной тишины», но и как отступивший от Бога гонитель Христианской Церкви³.

После заключения в 1807 году Тильзитского мирного договора антинаполеоновская пропаганда в России временно прекратилась. С началом Отечественной войны 1812 года она продолжилась с новой силой, при этом опять оказалась востребо-

ванной и идея о демонической сущности Наполеона. В создании «черной легенды» о нем, то есть в формировании образа французского императора как тирана и злодея, участвовали также художники, поэты и публицисты. В 1812–1814 годах были изданы десятки карикатур, на которых Наполеон изображен в демоническом облике, с рогами и хвостом, или стоящим рядом с сатаной и чертями.

Авторы памфлетов нередко сравнивали Наполеона и Александра I, подчеркивая разницу их социального происхождения, личностных качеств и принципов проводимой политики. Беззакония и безбожие Наполеона, как правило, противопоставлялись христианским добродетелям Александра I, руководствовавшегося нравственными принципами⁴.

Те же мысли пронизывали и поэзию военного времени, при этом авторы лиро-эпических произведений, характеризуя противника, часто заменяли термин «безбожный» на «демонический» и объясняли победу России над врагом заступничеством Божественного Провидения. Как правило, наряду с «демонизацией» Наполеона подчеркивалась «ангельская»

сущность Александра I, который рассматривался как монарх, избранный Богом для того, чтобы остановить кровавый путь французского правителя и освободить от него Европу. Например, Г.Р. Державин в гимне «На прогнание французов из Отечества» представил войну наполеоновской империи с Россией как борьбу тьмы со светом, зла с добром, нечестия с православием. Наполеона поэт изобразил вышедшим из бездны «таинственным числзверем», «в плоти седьмглавым Люцифером, о десяти рогах венчанным», драконом или «демоном змеевидным»⁵. В сопровождении подчиненных ему ехидн Наполеон шествует по земле и сеет повсюду смерть. Все живое бежит от него прочь, но вот на пути встает «агнец белорунный, смиренный, кроткий, но челоперунный» – Александр I, который поднимает народ на борьбу за веру, против «врагов Христовых». (В христианстве «агнец Божий» – Иисус Христос). «Александров глас наш дух вознес: // Прибег он в храм – и стал бесстрашным Росс. // Упала демонская сила». Увидев «святость Александра трона» и «лесть Наполеона», россам помогает Бог, что и решает исход кампании⁶.

Подобным образом, в виде картины апокалиптического состояния мира, вызванной захватнической политикой французского императора, Отечественная война 1812 года представлена в ряде других произведений. Великая армия, покрывшая кровью половину Европы и грабившая православные храмы, воспринималась многими современниками как своеобразная темная сила, а ее предводитель сравнивался, а порой и отождествлялся с Антихристом. Например, А.С. Пушкин в незавершенной сказочной поэме «Бова» показал преступления Наполеона с «космическим» размахом: «Мир крещеный потопил в крови, // Не щадил и некрещеного, // И, в ничтожество низверженный // Александром, грозным ангелом, // Жизнь проводит в унижении // И, забытый всеми, кличется // Ныне Эльбы императором»⁷. Образ ангела связывался с личностью Александра I очень часто, таким было его прозвищем в императорской семье. Добавив к термину «ангел» эпитет «грозный», Пушкин тем самым развил религиозное понимание войны 1812 года. Ибо «грозный ангел» – это архангел Миха-

ил, руководивший в космической битве небесными силами с врагами Бога, покровитель всех христиан.

«Христианские добродетели» Александра I, которые в 1812–1814 годах так воспевали авторы многочисленных публицистических и поэтических сочинений, в полной мере проявились во время Заграничных походов, и особенно – при взятии Парижа, когда император, по словам современника, романиста Р.М. Зотова, «за разорение России мстил одним милосердием»⁸.

Вступление Александра I во главе союзных войск в Париж 19 марта 1814 года стало апогеем его величия и славы. Его называли «северным Агамемноном», «царем царей», «императором Европы», «ангелом мира», «спасителем Вселенной». Н.М. Карамзин в произведении «Освобождение Европы и слава Александра I» констатировал: «В сем общем, радостном волненье, // Царей, Героев прославленье, // Чье имя первое в устах? // Кому гремят вселенной лики? // Без лести в искренних хвалах, // Дают название: Великий! // Отечество мое! Ликуй, // И с Александром торжествуй!»⁹. Отмечая достоинства российского императора, его нередко возносили до высот небожителя.

3 августа 1814 года, вскоре после возвращения Александра I в Россию, Святейший Синод, Государственный Совет и Сенат постановили: в качестве выражения «дани всеобщей признательности за прославление Отечества» поднести императору титул «Благословенный», выбить в его честь медаль и воздвигнуть в столице памятник¹⁰.

На с. 57:
О.А. Кипренский. Портрет Александра I «Наш ангел в небесах». 1826. Литография. 55х38. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина

Неизвестный художник.
Наполеон с сатаной после сожжения Москвы. Карикатура. 1810-е гг. Частное собрание

Неизвестный художник. Тоже Наполеон (карикатура на Вильгельма II). Почтовая карточка. 1914. Частное собрание

На с. 59:
П. Меч. Как изобрели Наполеона III. Карикатура. 1855. Частное собрание

Кукрыниксы. Наполеон и его тень. Карикатура. 1941. Частное собрание

Несмотря на то что Александр из «чувств скромности и смирения духа» попросил оставить вынесенное постановление «без всякого исполнения», титул «Благословенный» прочно за ним закрепился.

Памятник Александру I был воздвигнут в Санкт-Петербурге уже после его смерти, по повелению нового императора Николая I. 30 августа 1834 года, к 20-летию победы России над наполеоновской Францией, а также лично в честь императора Александра I, в центре Дворцовой площади, в 100 метрах от Зимнего дворца, была открыта знаменитая Александровская колонна, выполненная по проекту архитектора А.А. Монферрана. Стройную колонну из красного гранита (общей высотой 47,5 м) венчает бронзовая фигура ангела (высотой 4,3 м) работы скульптора Б.И. Орловского. Ангел, лицу которого скульптор придал портретное сходство с императором Александром, попирает крестом змею, символизирующую поверженного «Антихриста» – Наполеона.

Примечательно, что прототипом Александровской колонны стала Вандомская колонна в Париже (памятник победе Наполеона в сражении при Аустерлице), созданная, в свою очередь, по образу древнеримских триумфальных колонн (особенно близка она была колонне императора Траяна в Риме). Огромность размера и превосходство по высоте (на 4 метра) Александровской колонны над ее парижским прототипом говорило о том, что слава и деяния Александра I превосходят славу и деяния Наполеона, величие которого было столь недолговечно. Принципиальное значение имело навершие Вандомской колонны: ее венчала скульптура императора. При этом Наполеон держал в руках земной шар с богиней Победы, что

подчеркивало его стремление к господству над миром. Ангел на вершине Александровской колонны напоминал Александра I лишь портретным сходством. Крест в его руках, поражающий змея, лишний раз подтверждал сакральный смысл войны 1812 года и священный характер победы. По сути, ангел символизировал православную веру, победу христианства над мировым злом, над безбожием и гордыней.

Своеобразным памятником Александру I стала появившаяся в середине XIX века легенда, согласно которой император не умер в Таганроге, а оставив трон и светскую жизнь, стал странником по имени Фёдор Кузьмич. Этот таинственный странник, скончавшийся в январе 1864 года в четырех верстах от Томска, был удивительно похож на покойного императора. Он хранил в тайне свое настоящее имя, вел уединенный образ жизни, отличался чрезвычайной набожностью, но никогда не исповедовался и не причащался, говоря загадочно, что не может ходить к причастию, потому что уже отпет. Версия о тождестве Александра I и Фёдора Кузьмича до сих пор не доказана и не опровергнута. Однако в любом случае можно сказать, что в культурной памяти России образ Благословенного императора – победителя Наполеона – логично дополнился образом святого старца.

В 1984 года Феодор Томский был канонизирован Русской православной церковью как местночтимый святой.

Образ Александра I как благословенного Богом победителя Наполеона практически не трансформировался до революции 1917 года. В XX веке его непосредственная роль в разгроме Наполеона стала умаляться и даже практически подверглась забвению. Советские историки, не имевшие возможности писать о монархах положительно, при освещении этого вопроса предпочитали вооружаться спорной характеристикой Александра, приписываемой А.С. Пушкину: «Властитель слабый и лукавый... нечаянно пригретый славой». Лишь в последние годы исследователи постепенно начинают отдавать ему должное. Что касается Наполеона, то вскоре после смерти низвергнутого французского императора его образ начал героизироваться, а таланты, бесспорно, немалые, еще более преувеличиваться. На смену «черной легенде» пришел так называемый «наполеоновский миф».

Уже в 1821 году А.С. Пушкин в стихотворении, написанном на смерть Наполеона, назвал бывшего французского императора «великим человеком» и отнесся к нему с явным сочувствием. Подчеркнув, что Наполеон искупил свои преступления «тоскою душного изгнания // Под сенью чуждою не-

бес», поэт выдвинул идею примирения: «Да будет омрачен позором // Тот малодушный, кто в сей день // Безумным возмутит укором // Его развенчанную тень!»¹¹.

В 1820–30-х годах в Европе возникает вариант апологетического мифа о Наполеоне как о могучем и умелом покорителе судьбы. Особое влияние он оказывает на молодых людей, мечтающих сделать карьеру. Подобные настроения проникают и в Россию. В это время реалией большинства кабинетов интеллигентных людей становится статуэтка Наполеона. П.А. Вяземский писал, что эту «чугунную настольную статульку, в маленькой шляпе, в сюртуке, с руками, сложенными крестом на груди, неминуемо встречаешь в каждом кабинете любопытного и мыслящего современника или на камине щеголя как вывеску умения его убрать свою комнату по требованиям новейшего вкуса»¹². Неслучайно А.С. Пушкин, характеризуя молодое поколение светского общества 1830-х годов, типичным представителем которого был Евгений Онегин, подчеркивает в своем герое «бонапартистские» черты: «Мы все глядим в Наполеоны; // Двуногих тварей миллионы // Для нас орудие одно»¹³.

В годы Крымской (Восточной) войны 1853–1856 годов, когда одним из основных противников России снова стала Франция во главе с Наполеоном III, племянником Наполеона I, русское общество воспринимало новое противостояние через призму исторического опыта 1812 года. Наложение образов двух войн находило отражение в поэзии, публицистике, искусстве и даже в правительственных и церковных документах. Одной из наиболее излюбленных тем для проведения ассоциативных параллелей стала фигура французского императора Наполеона III, которого сравнивали со знаменитым родственником. При этом «маленькому племяннику большого дяди», как правило, напоминали о печальной участи Наполеона I в России. Такое сопоставление, с одной стороны, усиливало патристические настроения и давало надежду на благоприятный исход войны (т.е., если Россия в 1812 году победила более сильного противника, то теперь она безусловно должна одержать верх), но при этом за счет *умаления* Наполеона III образ Наполеона I невольно *вырастал* в глазах русских. (То

же самое происходило и в период других войн России, когда с Наполеоном сравнивали новых «персональных» врагов: Вильгельма II и Гитлера.)

Под влиянием поражения в Крымской войне на образ Наполеона накладывается дополнительный негатив. Л.Н. Толстой в знаменитом романе-эпопее «Война и мир» (1863–1869) пытается развенчать героический образ французского императора. Д.Л. Мордовцев в романе «Двенадцатый год» (1880) вообще возвращается к теме «Антихриста». Он называет Наполеона исполином зла, уродом человеческим, честолюбию которого нет пределов, исчадием ада.

В конце XIX – начале XX века с оформлением франко-русского союза в настроениях русского общества возросли симпатии к Франции, что наложило определенный отпечаток на восприятие предыдущих военных столкновений с ней. Говорили даже о том, что «хотя французы сожгли Москву, а русские взяли Париж, те и другие оставались противниками, но никогда не были врагами». Отношение к Наполеону снова кардинально изменилось. Его образ, ставший чрезвычайно популярным, многократно использовался в выпуске различной сувенирной и рекламной продукции, пик которой пришелся на 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. Интерес и даже любовь к Наполеону (наряду с синдромом бонапартизма) чрезвычайно сильны в русском обществе до сих пор.

Стоит ли говорить о благодарной памяти потомков по отношению к Александру I? Император, почитаемый со времен Пушкина («он взял Париж, он основал лицей»), широко известен и сегодня как одна из ключевых фигур отечественной истории. И тем, что одержал победу над Наполеоном – наиболее славную в дореволюционной России, и тем, что, искренне стремясь принести мир измученной войнами Европе, стал инициатором создания Священного союза – прообраза системы коллективной безопасности. Знаменуя 200-летие этих исторических событий, 20 ноября 2014 года у Кремлевской стены, в Александровском саду, был открыт памятник русскому императору. Монумент установлен в том месте Москвы, которое преобразовано по велению Александра I.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: История первого консула Бонапарте со времени его рождения до заключения Люневильского мира. Пер. с франц. СПб., 1802; Некоторые замечания о первых годах Бонапарте. Собранные и выданные на английском одним из его соучеников. Пер. с франц. М., 1802; и др.

² Наполеон Бонапарте и народ французский. Пер. с нем. В 2 ч. М., 1806; Вот каковы Бонапарте и народ французский. Сочинено в Англии. СПб., 1807; и др.

³ Особое внимание обращалось на предстоявший созыв в Париже Великого синодрина, цель которого трактовалась как помышление «соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устремить их на ниспровержение Церкви Христовой и на провозглашение в лице Наполеона лже-мессии» (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 29. № 22394).

Необходимо пояснить, что Великий синодрий (высшее религиозное учреждение Древней Иудеи), осудивший в свое время на распятие Иисуса Христа, не созывался полтора тысячелетия. По существовавшему преданию, вновь собравшийся синодрий должен был ознаменовать приход Антихриста. Неудивительно, что христианский мир встретил созыв Наполеоном синодрина очень настороженно. Не только в России, но также в Германии и Испании почти одновременно пополнились толки об Антихристе, что вылилось в рождение легенды о демонической сущности Наполеона.

⁴ См., например: Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом. СПб., 1812; Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте. СПб., 1814; Мысли Наполеона при вступлении в Москву, или Разговор Совести с различными его страстями. СПб., 1813.

⁵ Державин Г.Р. Гимн лиро-эпический на прогнание французоз из Отечества // Сочинения. В 9 т. СПб., 1866. Т. III. С. 137–164.

⁶ Там же.

⁷ Пушкин А.С. Бова // Собр. соч. В 10 т. М., 1960. Т. III. С. 382–383.

⁸ Зотов Р.М. Два брата, или Москва в 1812 году. М., 2012. С. 389.

⁹ Карамзин Н.М. Освобождение Европы и слава Александра I // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 2. С. 214–215.

С.А. Щербаков. Памятник императору Александру I. 2014. Бронза. Александровский сад. Москва

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 32. № 25629.

¹¹ Пушкин А.С. Наполеон // Указ. изд. М., 1959. Т. I. С. 160–163.

¹² Вяземский П.А. Новая поэма Э. Кине «Наполеон» // Современник. 1836. № 2. С. 234.

¹³ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Указ. изд. М., 1960. Т. IV. С. 42–43.

Ключевые слова: Александр I, Наполеон I, Отечественная война 1812 года, культурная память, образ врага, пропаганда, карикатура, поэзия.

Иллюстрации предоставлены автором.